

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323.22/28

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Т.С. БОЛХОВИТИНА

*Брянский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

e-mail: info@bfrane.brk.ru

В статье рассматриваются теоретические модели политического участия граждан – стандартная, либеральная, ценностная, когнитивная, аттитюдная, рациональная, популистская, интегративная. Обосновывается положение о том, что важнейшим критерием активных политических действий в условиях политической модернизации выступает степень вовлеченности граждан в систему представительной демократии, многообразие форм политической идентичности, эффективность политических институтов.

Ключевые слова: политические действия, модели политического участия, политическая модернизация, критерии политической активности.

Демократизация общественной жизни предполагает вовлеченность граждан в процесс политико-властных отношений посредством участия в выборах, избирательных и иных политических кампаниях. При этом от того, как граждане понимают и оценивают свою роль, место, статус, материальное положение в обществе зависит то, какой модели политического поведения они будут следовать.

Как известно, классической теорией политической активности (С. Верба, Н. Най) признана базовая (стандартная) модель участия. В качестве основных факторов активности в ней выделяются социально-демографические характеристики населения (пол, возраст, образование, место проживания, социальный статус и др.)¹. Исследования, проведенные в ряде стран, свидетельствуют о том, что наибольшую активность проявляют представители средне и высокостатусных групп. Неактивны граждане с низким уровнем образования, безработные. Образованные граждане, напротив, демонстрируют более высокую степень политического участия в избирательном процессе. Относительно невысокий уровень активности молодежи². Все это свидетельствует о том, что современное общество является настолько сложно социально дифференцированным, что требует постоянного учета социальных факторов, влияющих на политические предпочтения социальных групп и категорий граждан, и выявления их иерархии.

¹ См.: Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. N.-Y., 1972. P. 336.

² См.: Терещенко А.Г. Липсет о социальных основах политического поведения избирателя // Социально-политический журнал. 1996. № 4. С. 184.

Обусловленность политических действий индивидов социальными факторами исследовалась А. Лейпхартом, П. Бурдые. Они пришли к выводу, что люди, обладающие схожими капиталами (уровень образования, статус, материальный достаток) будут занимать в социально-политическом пространстве близкие позиции, тяготеть друг к другу. В результате в обществе будут складываться группы, объективно отличающиеся друг от друга и то, какую нишу будет занимать каждая из них в обществе, существенным образом будет влиять на индивидуальное поведение, определять образ жизни человека, его политические установки и предпочтения³. Следует отметить, что в современный период зависимость влияния социальной принадлежности на политический выбор ослабевает, политическое поведение становится более свободным. Тем не менее, роль статусных характеристик в выборе политических предпочтений гражданина требует обстоятельного учета характера и степени их влияния на результаты политического участия.

Согласно либеральной модели политического участия, описанной С. Липсетом и Д. Лернером, характерной для стран с рыночной экономикой, именно динамичное социально-экономическое развитие обуславливает сглаживание социального неравенства, а, следовательно, оказывает влияние на демократический характер политического участия, в частности его направленность на поддержку демократической политической системы, эффективную институционализацию политической деятельности.

Популистская модель политического участия, как отмечают С. Липсет, Д. Лернер, исходит преимущественно из форм прямого (неинституционализированного) участия, предполагающего перераспределение различных общественных благ путем обещаний и деклараций. Усиление подобного рода участия в политике препятствует экономической модернизации, ведет к подрыву политической стабильности. Нерешенные проблемы накапливаются, увеличивая количество требований, предъявляемых к политической власти. В результате политическое участие не ведет к укреплению политической системы, а напротив, вызывает центробежные тенденции в обществе, дестабилизирует политическую систему, осложняет течение политических процессов.

Популистские лозунги, как правило, активизируются в кризисные периоды развития общества. Особенно активно популизм используется в ходе избирательных кампаний, сопровождается выдвиганием демагогических лозунгов, камуфлированием истинных политических намерений, манипулированием общественным мнением.

Популистская модель тесным образом связана с таким явлением как кризис участия в модернизирующихся обществах. Данный кризис отражает ситуации, когда правящая элита не в состоянии создать необходимые институциональные условия для реализации возникающих со стороны широких слоев общества запросов на участие в политике. Между тем, результат модернизации во многом зависит от того, созданы ли в обществе институциональные условия для политического участия.

Кризис участия возможен и тогда, когда стремящиеся к активному влиянию на политику слои организованы в группы, статус которых является нелегитимным (к примеру, это незарегистрированные общественные объединения и партии) и также, если акторы используют неправомерные способы достижения своих целей (в частности, различные формы политического насилия).

Наиболее оптимальным вариантом разрешения кризиса политического участия Г.Л. Купряшин, М.А. Мунтян и др. считают институциональную адаптацию, когда утверждаются новые процедуры выборов, плюралистичность государственного управления, совершенствуются партийные структуры, формируются организованные группы интересов⁴. В этом случае возможно соглашение между правящей элитой и контрэлитой, стремящейся к принятию ключевых политических решений. В перспективе такой путь ведет к развитию системы представительной демократии, дальнейшим институциональным

³ См.: Leijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice // Electoral Participation. A comparative analysis. L., 1988. P. 283 – 327; Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 141.

⁴ См.: Гаман–Голутвина О.В., Сморгунев Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inop.ru/files/Chapter2.pdf>; Купряшин Г.Л. Управляемость и баланс интересов в контексте политической модернизации // Власть. 2001. № 8; Мунтян М.А. Политическая социализация и политическое участие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.viperson.ru/wind.php?ID=521334&soch=1

изменениям в политической системе. Вновь созданные институты могут активизировать процесс включения в политическую систему новых политических субъектов.

Неудачным вариантом разрешения кризиса политического участия является отказ от институциональных преобразований, ограничение участия путем введения запретов, то есть авторитарный подход к решению возникающих противоречий. Такой путь нередко ведет к формам мобилизационного либо имитационного участия.

В некоторых случаях правящая элита, не заинтересованная в расширении сферы политического участия, формально наделяет оппозиционные партии правом на соревнование в политическом процессе, хотя реальная структура распределения власти не оставляет им реальных шансов на успех. Кризис участия, по нашему убеждению, может быть преодолен лишь с решением основных социально – политических проблем модернизации, освоением субъектами политики новых политических ролей, созданием эффективно функционирующих политических институтов.

В условиях модернизирующегося общества проявляет себя когнитивная модель политического участия, основанная на учете субъективного представления, определенных знаний, информации и социально-политической реальности. Не случайно в последние годы в политической науке получает развитие новый теоретико-методологический подход к объяснению мотивации политического участия. В его основе лежит принцип интеграции информационного влияния социального окружения (среды) и когнитивных способностей человека.

Как известно, каждый индивид обладает своим внутренним миром, существующим в виде хранящихся в памяти образов, символов, понятий, которые помогают ему интерпретировать, понимать действия других людей, соотносить с ними свое собственное поведение. Устоявшиеся представления способствуют тому, чтобы «укладывать» всю поступающую информацию в определенные смысловые рамки, расширяющие границы внутреннего мира, насыщая его тем самым новыми образами и символами. При этом, чем богаче палитра сформировавшихся у индивида представлений, тем более многоплановой будет конструируемая в сознании реальность. Однако большинство ментальных конструктов не детерминируют политическую активность. Чтобы интерпретируемая ситуация трансформировалась в действие, необходимо, чтобы она затрагивала «Я-образ», включающий представления индивида о своем месте в политическом пространстве⁵.

Разумеется, процесс осознания политической информации весьма индивидуален: он может быть активным и пассивным. Первый характеризуется углубленным, всесторонним осмыслением получаемой информации, выстраиванием четкой логики аргументов, оценкой их состоятельности. Второй отличает простое, некритическое восприятие информации, полное доверие к ее источнику. В результате политический выбор вряд ли может быть рациональным. Очевидно и то, что огромное количество политической информации, не ведет ни к более полному распространению политических знаний, ни к повышению их качества, ни к более высокому уровню общественного участия. Д. Дзолло в этой связи отмечает, что «когнитивный дифференциал» между распространителями информации и ее получателями, отнюдь не уменьшаясь вследствие «совместного обладания» этой информацией, напротив, обнаруживает тенденцию к ее многократному увеличению. Те, кто имеет в своем распоряжении более значительные экономические, культурные и политические ресурсы, могут распоряжаться имеющейся у них информацией с большой выгодой для себя; те, кто не имеет, не в состоянии извлечь из этой информации какую-либо выгоду. Все это только усиливает асимметричную природу политической коммуникации и деформирует политическую мотивацию граждан⁶.

В когнитивной модели политического участия заметно проявляет себя такое явление, как конформизм, который проистекает не только из того, что сказано, из того, что не сказано, но и из того, что незаметно исключено коммуникативными фильтрами из повседневной сферы общественного внимания. Поэтому конформизм не ведет к смене установок, определяющих отношение индивида к тому или иному политическому субъекту (партии, лидеру). Тем более, если у индивида не сложилась партийная идентичность, он

⁵ См.: Пупкарева Г.В. Политический менеджмент. М., 2002. С. 104 – 128.

⁶ См.: Дзолло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 293.

не намерен тратить свою когнитивную энергию на обдумывание заявлений и программ участников предвыборной кампании, он скорее, останется на стороне большинства и проголосует за кандидата, которого поддерживает большинство.

Партийная же идентификация создает некое сито, с помощью которого человек пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентациям. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Однако партийная идентификация вовсе не предполагает формальной принадлежности к конкретной партии. Она скорее свидетельствует о наличии определенного партийного предпочтения.

Таким образом, очерченные выше контуры когнитивной модели политического участия дают основания охарактеризовать ее как конструкцию, позволяющую проникнуть в мотивационные процессы, определяющие политические установки, влияющие на политический выбор.

С учетом влияния определенных ценностей на вовлеченность граждан в политический процесс в научной литературе выделяется ценностная модель политического участия. Политические ценности, как известно, в своем интегративном качестве (как совокупность политических идей, целей и представлений, лежащих в основе определенной политической практики) образуют мировоззренческий, идейный и социально-психологический каркас, своего рода матрицу, в рамках которой функционирует политическая система, развиваются политические отношения и связи, действуют политические акторы. В них находит свое выражение политическое целеполагание действующих субъектов политики. Они выступают в данном качестве с большей или меньшей интенсивностью во многом вследствие различий в их адекватности тем политическим реалиям, которые они отражают. Данные ценности могут обладать огромной побудительной силой к действиям; они же способны оставить политических субъектов равнодушными к ценностным образцам ввиду их абстрактности, заведомой нереализуемости.

В условиях модернизации важнейшими политическими ценностями выступают экономические, социальные, политические права и свободы, политический плюрализм, легитимность власти, многопартийность и др., т. е. те, что относятся к функционированию демократического, правового государства. На формирование этих ценностей неоднозначное влияние оказывает политический менталитет общества.

Это во многом объясняется тем, что в развитии ментальных политических структур, представленных стереотипами (прочно устоявшимися политическими образами), обычаями (стандартизированными нормами поведения), традициями (унаследованными от предшествующих поколений идеями, взглядами, образами действий), прослеживаются две очевидные тенденции. Одна из тенденций ведет к консервации социокультурных черт; другая – к их адаптации, изменению, появлению новых и модернизации прежних архетипов политического сознания. Сказанное означает, что одни ментальные структуры (традиционные и консервативные) способны тормозить назреваемые в обществе реформы, преобразования, другие (актуализированные, авангардистские) – способствовать их успеху. При этом искусственное насаждение норм и стереотипов сознания, психологических установок, социальных ориентиров, поведенческих актов способно вызвать раскол в обществе, отчуждение людей от власти и политики.

Учитывая то обстоятельство, что политические действия являются либо ценностно-ориентированными (когда индивид соизмеряет эти действия со своими ценностными представлениями), либо лишенными четкой ценностной ориентации (когда у человека не сложилась четкая система политических ценностей), Г.В.Пушкарева выделяет следующие основные политические действия⁷.

1. Ценностно-ориентированное политическое участие. Данная форма участия связана с признанием индивидом нормативно-институционального порядка и фактической готовностью действовать в соответствии с требованиями политической системы. Причем участие может принимать оппозиционные формы, акции протеста, но они не выливаются в противоправные действия, дестабилизирующие политическую систему.

⁷ См.: Пушкарева Г.В. Политология. М., 2002. С. 155-158.

Особенностью ценностно-ориентированного участия является внутренняя убежденность индивида в необходимости предпринимаемых действий.

2. Ролевое политическое участие. Оно характеризуется ориентацией на сложившийся нормативный порядок, на соблюдение правил институционального взаимодействия при отсутствии или слабом выражении ценностного компонента политического поведения. Такого рода участие является результатом сложившихся в ходе социализации навыков выполнять принятые на себя политические роли.

3. Действия, направленные на создание нового политического порядка. Для такого участия характерно пренебрежение существующими социальными нормами, следование альтернативным политическим ценностям, пропагандируемым общественными организациями и их лидерами.

4. Действия, ориентированные на разрушение сложившегося политического порядка. Такие девиантного свойства действия отличаются импульсивностью, агрессивностью, спонтанностью и могут обладать разрушительной силой.

Совершенно очевидно, что модернизация наполняет ценностный потенциал общества новым содержанием. Процессы демократизации предполагают развитие таких основополагающих ценностей общественной жизни, как гласность, свобода слова, совести, плюрализм мнений, свобода действий ассоциаций и объединений и др. Это требует формирования демократической политической культуры общества, которая характеризуется толерантностью, диалоговой способностью, высоким уровнем политического сознания и мышления.

В последнее время исследователи обращают внимание на все большее усиление влияния «постматериальных» ценностей на мотивацию политического участия. Так, Р. Инглхарт, исходя из концепции «постматериальных ценностей», сформулировал иерархию потребностей, определяющих политическую активность личности в постиндустриальном обществе⁸.

Ученый отмечает, что для индустриальных обществ направленность политической деятельности граждан определяют требования стабильной экономики, борьбы с инфляцией, сохранения правопорядка. В постиндустриальном обществе возрастает роль таких потребностей, как самовыражение, самоутверждение и самоактуализация, иницирующих требования большей информационной открытости власти, предоставления ею необходимых общественных благ, поддержки развития институтов гражданского общества. Эти требования формируются в результате удовлетворения базовых потребностей, характеризуются отсутствием непосредственного материального содержания. По мнению Р.Инглхарта, изменившиеся ценности становятся важным фактором модернизации общества. Он отмечает, что лица, которых можно отнести к постматериальному ценностному типу, способны вкладывать больше ресурсов в конвенциональные формы политического участия.

В целом, следует отметить, что ценностная модель политического участия вполне самодостаточна; политические ценности и формирующиеся на их основе политические ориентации всегда могут быть актуализированы и актуализируются в политической деятельности. И чем многообразнее политические ориентации, тем больше многообразия проявлений политического участия они закладывают.

Близкой к ценностной модели политического участия является аттитюдная модель. Под аттитюдом подразумевается внутренне состояние субъекта, которое является реакцией на стимульные события и вызывает определенные действия⁹. Речь идет, с одной стороны, об индивидуальных установках, с другой – об ориентации на групповые ценности и нормы. В единстве и то, и другое служит показателем идентификации индивида, его приспособляемости к той или иной социальной группе. Взяв за критерий названный показатель, У.Томас выделил три типа личности: 1) отличающийся относительно неизменными (традиционными) установками; 2) характеризующийся нестойкими, достаточно произвольными установками; 3) ориентированный на новые ценностные установки¹⁰.

⁸ Инглхарт Р. Модернизация и демократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 170 – 172.

⁹ См.: Гулевич О.А., Безменова И.К. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. М., 1999. С. 15-16.

¹⁰ Плахов В.Д. Норма и отклонения в обществе. СПб, 2011. С.149.

Выделение данных типов позволяет понять то, насколько установки обеспечивают устойчивость личности, ведь новые знания, информация способны вносить в них определенные модификации. В самом деле, индивидуальные системы социально-политических установок различаются по соотношению в них познавательно-ориентационных и ценностно-эмоциональных компонентов. Следует отметить, что у активно включенного в политическую жизнь индивида в поведении преобладает, как правило, ценностный компонент; у индифферентного, пассивного человека он выражен незначительно, в своем политическом выборе он руководствуется эмоциями. Сказанное можно объяснить сложностью структуры социально-политической установки, когнитивная составляющая которой включает знания и убеждения. Аффективный компонент вбирает эмоции и чувства, содержащие либо позитивные, либо негативные оценки. Когнитивная компонента обращена к деятельностным способностям актора. Интересно, что аффективный компонент установки является более значимым и прочным, чем когнитивный: он активизируется в действия субъекта значительно быстрее. Действительно, установка, не имеющая отчетливо выраженной эмоциональной окраски, скорее всего, является слабой, не сопереживаемой субъектом и не играет, следовательно, большой роли в мотивации и поведении человека.

Г. Дилигенский отмечает, что социально-политические установки (независимо от того, каким образом они возникли) играют специфическую роль компенсатора когнитивного дефицита. Они моделируют реакцию людей не только на знакомые, но и неясные, непонятные социально-политические ситуации. Одна из функций этих установок – минимизировать риски, возможные в таких ситуациях. Закрепленное в данных установках отношение к определенной ситуации и событиям, их оценка с точки зрения потребностей субъекта позволяет данному субъекту адекватным образом реагировать на исходящие от внешней среды импульсы¹¹.

Однако при том, что установки в целом управляют человеческими действиями, по определенным причинам возможно не только рассогласование поведения с установкой, но и обратное воздействие на него со стороны поведения. Таким образом, в рамках данной модели исследователями признаются факты расхождений между установками и реальным поведением граждан. Это объясняется тем, что на выбор субъекта влияют иерархия реальных мотивов, уровень осознания ситуации, интенсивность связей со средой. В результате установка может расходиться с конкретным действием.

Г. Дилигенский выделяет наиболее типичные ситуации рассогласования поведения и осознанных установок.

1. Существующие общественные и политические отношения, положение человека в этих отношениях ограничивают возможности свободного выбора типа индивидуального поведения; человек по объективным причинам не в состоянии реализовать свои убеждения и ценности, выработанные им в процессе осмысления действительности или заимствованные от других. В результате он вынужден руководствоваться установкой, противоречащей этим убеждениям.

2. В сознании индивида сосуществуют различные, порой противоположные установки в отношении одного и того же объекта либо ситуации, что объясняется во многом противоречивостью сознания, социального и индивидуального опыта; установки актуализируются под влиянием конкретного сочетания ситуационных факторов. Так, люди, в принципе отрицательно относящиеся к забастовкам, нередко, тем не менее, участвуют в них, поскольку в то же время видят в забастовках способ действия в определенных экстремальных ситуациях.

3. Непосредственной причиной рассогласования установок и действий является вовлеченность индивида в социальную группу или межличностный контакт, в интересы «других», побуждающая действовать в соответствии с ролевой функцией в группе или с групповыми ожиданиями.

4. В жизни бывают такие ситуации, когда внутригрупповые и межличностные отношения, напротив, являются источником неконформистского (по отношению к группе)

¹¹ См: Дилигенский Г. Социально-политическая психология. Глава 3. М., 2001.

индивидуального поведения, противоречащего усвоенным индивидом групповым установкам. В подобных ситуациях проявляется глубинное стремление личности к автономии.

На основе углубленного теоретического и прикладного анализа социально-политических установок Г. Дилигенский пришел к выводу о том, что расширение «списка» ситуаций рассогласованных с действиями не решает проблемы, связанной с затруднением объяснения факторов человеческого поведения. Если стимулы объяснимы (это потребности и мотивы), то факторы индивидуального выбора сложно поддаются интерпретации и исчерпывающему научному анализу¹². Но ведь именно из такого выбора и рождается действие, участие в общественно-политической жизни. Как нам представляется, теория аттитудов, имеющая важное прикладное значение для осмысления влияния социально-политических мотивов и установок на характер политического участия вправе получить дальнейшее теоретическое развитие в современной политической науке и обогатиться новыми эмпирическими обоснованиями.

Поскольку процесс модернизации в значительной степени расширяет возможности политического участия субъектов, последние оказываются в ситуации выбора – «ценностей», «более или менее полезного», «эффективного и неэффективного». Исходя из этого, политические акторы ранжируют предоставляемые им возможности в зависимости от того, насколько они удовлетворяют их потребностям. При этом они стремятся обрести максимум политической информации, которая необходима для вычисления наиболее выгодных инвестиций на политическом рынке.

Однако на этом действительно чрезвычайно богатом поле субъективного выбора действует ряд ограничений реального поведения, среди которых, во-первых, наличные ресурсы (организационные, информационные, финансовые и др.), во-вторых, социальные нормы и предписания. Причем ограничения субъективного поведения, исходящие от социально-политических институтов, могут сопровождаться официальными санкциями – в одних случаях позитивными, в других – негативными, что оказывает на субъектов политических действий соответственно либо поощряющее, либо сдерживающее действие. В результате в одних случаях индивид может принять решение действовать в соответствии с правилами, а в другом – против правил.

Правила, определяемые институтами, с одной стороны, ограничивают возможности максимизации индивидуальной выгоды за счет других, а с другой, – позволяют разрешать дилеммы коллективного действия, дают возможность принимать стабильные и предсказуемые решения. Действующие нормы оказываются эффективными, если устанавливается согласие относительно того, что определенные люди обладают правом контролировать (благодаря нормам) действия других людей. Очевидно, что достижение консенсуса препятствует росту характерной для коллективного поведения неустойчивости. В то же время нет никакой уверенности в том, что если суммировать действия отдельных членов общества, то может получиться результат, соответствующий модели политической рациональности одного актора.

Тем не менее, индивид, хотя и не доволен личными издержками для производства социального результата, действует коллективно. Это объясняют теория коалиций и теория игр, в которых аргументируется, что каждый человек, участвуя в коалициях на политическом рынке, функционирующем согласно правилам, получает больший результат, нежели действуя в одиночку¹³. Эффект «сцепления» индивидуальных усилий в какой-то степени повышает роль и значимость меньшинства, поскольку его представители тоже становятся участниками политического торга, соответствующего принципам конституционной демократии. Таким образом, коллективные действия способны демонстрировать результаты, недоступные для частных действий; они смягчают негативные последствия, которые способны нанести индивиду частные действия. На этой основе можно сделать вывод о том, что коллективные действия выгодны для рационального индивида. Последний считает целесообразным поступать в соответствии с нормативно-правовыми предписаниями в своих долгосрочных интересах.

¹² См.: Дилигенский Г. Указ. соч.

¹³ См.: Сморгунюв Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. С.79-85, 90-93.

Становится очевидно, что рациональный выбор способен минимизировать негативные ситуации в обществе. Такой выбор невозможен без анализа и оценки политической информации, которая оказывает на субъекта либо поощряющее, либо сдерживающее действие. Ограниченность информации приводит к тому, что человек оказывается неспособным предвидеть результаты своего участия и реакцию других на его действия, что не исключает ошибочного выбора. Поэтому рационально действующие акторы могут получать и нерациональные результаты.

К сожалению, модель рационального политического участия остается во многом равнодушной к значимости культурных норм и ценностей, хотя человек постоянно делает выбор из множества ценностей и стратегий. На его выбор, как известно, влияют самые различные факторы и обстоятельства, в т.ч. внутренние убеждения, социальный контекст, внешний прессинг (навязывание выбора) и прочее¹⁴. Тем не менее, ценность модели рационального политического участия состоит в ее способности обеспечивать общественное согласие, сохранять устойчивость политической системы, развивать институт социального контроля, от чего в немалой степени зависят результаты демократизации общества.

Следует отметить, что рассмотренные выше модели политического участия не существуют в «чистом виде», в своих исходных положениях зачастую пересекаются и дополняют друг друга, что обуславливает возможность построения интегративных моделей политического участия, учитывающих взаимодействие факторов, являющихся базовыми для выделенных моделей. Среди таких моделей автор предлагает рассматривать, в частности:

- модель расширенного политического участия, которая обеспечивает реальное всестороннее воздействие граждан на властные структуры, предполагает активную деятельность политических институтов, имеет широкую систему представительства интересов, развитый институт гражданского контроля;
- модель ограниченного политического участия, связанную с ограничением форм и способов политического волеизъявления;
- мобилизационную модель политического участия, которая характеризуется централизованным воздействием политических институтов с целью активизации общественно-политической активности.

Выделенные выше модели политического участия позволяют уточнить, как представляется, малоизученные содержательные аспекты данного феномена, зависимость политических действий от социально-демографических факторов, ценностных ориентаций субъектов политики, их когнитивных возможностей, мотивационных установок, характера политической культуры общества, эффективности функционирования в нем демократических институтов, и на этой основе исследовать особенности участия различных социальных групп и категорий граждан в политическом процессе, а также конструировать интегративные модели политического поведения.

MODELS OF POLITICAL PARTICIPATION: THE PROBLEM FIELD OF THE THEORETICAL ANALYSIS

T.S. BOLKHOVITINA

*Bryansk branch of Russian Academy
of National Economy and State Service
at the President of the Russian
Federation*

e-mail: info@bfrane.brk.ru

In the article the author considers the theoretical models of participation of citizens in political life, namely standard, liberal, valuable, cognitive, attitude, rational, populist, integrative models. The proposition is proved that the major criterion of successful modernization is the degree of involvement of citizens in the system of representative democracy, the variety of forms of political identity, the efficiency of political institutions.

Key words: political actions, models of political participation, political modernization, criteria of political activity.

¹⁴ См.: Глинчикова А.Г. Демократическая модернизация и национальная культура // Полис. 2010. №6. С. 54-64; Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М., 2010. С. 85-92; Чемерис Е.С., Донцов С.А. Церковь и модернизация в России: в поиске новых ценностных основ // Полис. 2010. С. 68 – 75.